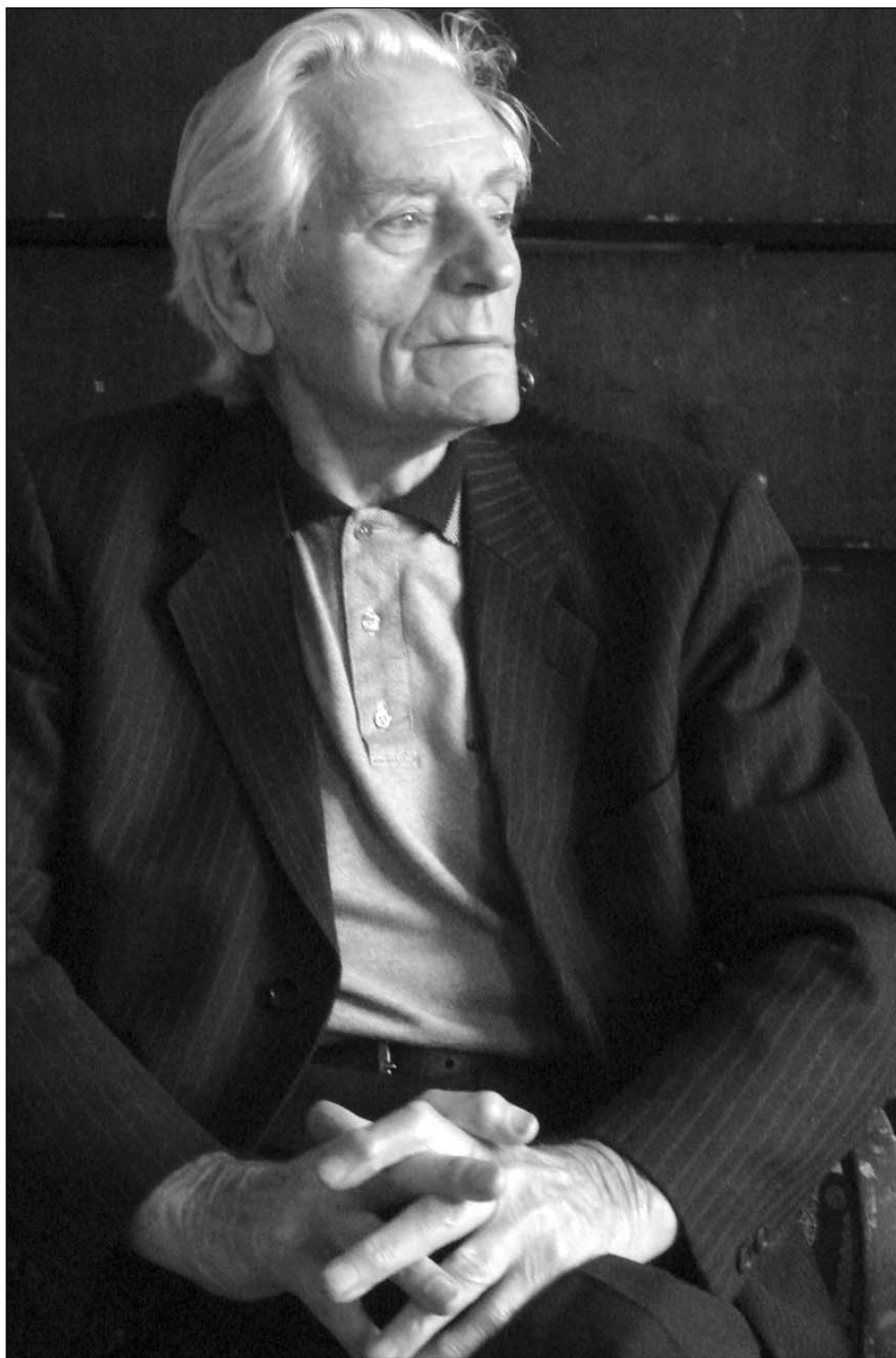

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ, Евгений ДЕМЕНОК

Цель творчества — самоотдача

В 2010 году вышел первый том интервью, которые мы взяли у 60 одесских художников, где расспрашивали их о творчестве, о влиянии, которое на них оказала одесская художественная школа, об их учителях и учениках. Естественно, в первом же томе мы опубликовали интервью с Альбином Станиславовичем Гавдзинским, гордостью Одесской организации Союза художников. Сейчас, когда в мае 2014 года Альбин Гавдзинский покинул этот мир, мы еще раз перечитали интервью и пришли к выводу, что ничего в нем за четыре года не устарело. И вместо официального некролога предпочли дать возможность читателям еще раз услышать живую речь классика отечественной живописи, Народного художника Украины Альбина Гавдзинского.

— Есть такое понятие как самооценка. В художественной жизни Одессы как вам видится ваше место: в первой десятке, в первой пятерке?..

— Во всяком случае, в первой двадцатке. Раз уж вы включили меня в этот список, я не возражаю.

— А насколько динамична художественная жизнь Одессы? Кажется ли вам, что она развивается динамично, существует реально?

— Участие в выставках моих коллег в этом году заметно. Заметна творческая деятельность.

— Каждый век формировал художественные направления. Конец XIX века — импрессионизм. XX век — кубизм, сюрреализм, абстрактное искусство, поп-арт. Какое из этих направлений повлияло именно на вас?

— Я считаю, что это то направление, в котором я свою жизнь творческую проживаю. Я считаю, что реалистическое искусство — оно как песня. Ну а влияние на меня вечно, за годы всей моей творческой деятельности — это импрессионизм.

— А кто из импрессионистов ближе по духу?

— Сислей.

— Клод Моне меньше?

— Даже больше. На меня воздействует творчество всей этой группы.

— У вас были учителя. Кто из них сформировал вас, как художника?

— Моим учителем была природа, прежде всего. Музеи. У нас роскошные музеи. И коллектив. А конкретно — Синицкий, Шелюто (из наших одесских художников). И тот же Ломыкин, и тот же Власов, с которыми я работал.

— Сегодня одесские искусствоведы называют Егорова, Хруща классиками одесской школы. Согласны ли вы с этим? И кого бы вы считали классиком?

— Как живописца — Юрия Егорова, без сомнения.

— А кого ещё?

— Синицкого, Шелюто.

— Вы, наверное, были на выставке в Художественном музее. Там Синицкий совершенно потрясающий.

— Да, да! Это мой учитель. Самый влиятельный и непосредственный.

— А каким образом он учил? Вы смотрели его работы, или все-таки он что-то говорил, рассказывал?

— Он конкретно оценивал ту или иную работу. Мне приходилось вместе с ним работать. Вместе ходили на этюды, вместе работали.

— Как вы считаете, что такое современное искусство и что такое актуальное искусство? Вы были на выставке, которую сделал Дымчук. Какое у вас к этому отношение?

— Как-то я его не сильно воспринял, актуальное это искусство. Хотя там свои достижения и находки. Но вновь содержание важнее формы. Вновь искусство с идеей. Я не согласен с тем, что хотели эти мастера сказать,

когда так преподносили портрет того же Пушкина. Это воспринимается как насмешка. И Шевченко окарикатурен.

— Является ли Одесса для вас художественной провинцией? Является ли Украина художественной провинцией? Если вдруг да — то где центр?

— Одесса — это центр культуры, искусства. Чудесный, чудесный город. 60-е, 70-е, 80-е годы — это был расцвет.

— Рыночная оценка работ на аукционах определяет ли для вас значение художника? Продали то-то за столько, продали то-то за столько... Важно ли это для вас в определении значимости художника?

— Нет.

— В свое время раньше всех в Одессе начали покупать за большие деньги Константин Ломыкина. Когда кто-то начинает определять достаточно высокую цену, влияет ли это на внутреннее ощущение значимости художника? Или нет?

— Нет. Сама работа есть вопрос её достоинства.

— А у вас в 2009 году какая-то работа была продана на каком-нибудь аукционе?

— На трёх различных киевских аукционах.

— Прогнозы — штука ненадежная, но необходимая для каждого художника. К чему будет идти изобразительное искусство в XXI веке? К фигуративному реализму, абстракции, театрализации, перформансам и т. д.? Или будет возвращаться к реальности?

— Никогда не отойдет от реализма искусство. Будут параллельно другие течения, но пожизненно, вечно — реализм. Течения будут, но они недолговечны. А долговечно реалистическое искусство.

— Влияет ли политика на ваше творчество?

— Нет. А когда-то влияла. Писали портреты Политбюро. И подчас нельзя было думать, что это политическое, потому что это кусок хлеба был наш.

— А сегодня — что там ни происходит, вы делаете свое дело.

— Совершенно верно.

— Насколько давно вы ощущаете себя художником? Когда вы почувствовали, что это главное в вашей жизни?

— В 50-е годы, после окончания художественного училища, когда я не попал в рейс с китобоями. Это длинная история. У меня было направление в рижскую Академию художеств. И дали мне направление по моему желанию пойти в пятый рейс "Славы" — от Одессы ходила китобойная флотилия. Я прошёл медкомиссию, был зачислен марсовым матросом на китобоец, в бочку. Потом узнал, что моя основная работа — восемь часов в сутки я должен был отработать. И потом в личное свободное время я могу собирать материал для картины о китобоях. Это моя мечта была. Ну, я подготовился: холсты, подрамники... На шесть месяцев. Потом мне заменили марсового. Короче говоря, я остался за бортом.

Когда я демобилизовался, я был офицером, летчиком. Я с трудом демобилизовался, не хотели меня отпускать. И так получилось, что я уже не попал в Академию — в Академии уже шли экзамены, когда я с китобоями оформлял все. А тогда были коммунистические стройки, и началась стройка в Новой Каховке. И я по собственному желанию туда поехал. Меня не посылали, меня там не ждали. Я за свой счет поехал. Что я здесь смог заработать, столько я там смог продержаться. Я, по сути, окончил "Новокаховскую академию". Там было, конечно, не так легко, но интересно.

В 1950 году я окончил училище, а в 1951-м я уже участвовал, и Ломыкин, мы вместе: Ломыкин — своей дипломной работой, а я — работой, сделанной в Каховке. И мы участвовали сразу во Всесоюзной выставке. И эта выставка была в Третьяковской галерее. И я почувствовал, что стал художником...

— А как вы ощущаете, влияет ли сейчас то, что вы делаете, на общество, на художественную среду? Синицкий в своё время оказал огромное влияние на вас. А вы? Есть ли у вас ученики, влияете ли вы на какую-то группу художников?

— Мне приятно слышать отзывы о своей последней выставке. Уже преподаватели педина общаются с просьбой прийти на встречу со студентами.

— А вообще ученики есть? Есть люди, которые приходят к вам, смотрят, спрашивают, показывают работы?

— Раз люди с интересом рассматривают, спрашивают, значит, какой-то интерес есть. Значит, они что-то для себя находят.

— Чувствуете ли вы, что художественная критика каким-то образом влияет на вас? Помогает вам, мешает? Есть ли она вообще? Когда-то, лет 20 — 30 назад, всё

время писали о художниках. О вас пишут вроде не очень часто, но есть на вас влияние того, что пишут?

— Ну конечно. Это влияет на каждого художника.

— Есть художники, которым важнее всего среда, в которой они работают, враждуются. А для некоторых важнее всего сосредоточенность, книги. К какой группе вы себя относите?

— Много, особенно в молодости, зависит от среды, от художников. Я состоялся, так как рядом работали Ацманчук, Филатов, Токарев... Это же наш круг. Сегодня для меня этот круг сузился. Книжки читаю всю жизнь, правда, сейчас я перечитываю всё больше.

— А вот старый вопрос о Союзе художников. Когда-то очень многие считали, что Союз был нужен, поскольку он распределял, давал... Не пришла ли пора объединяться в творческие группы, как в 20-е годы, — общество имени Костанди, например, а не в Союз, не в формальную организацию? Как вам кажется, нужен ли Союз в таком виде, в каком он был?

— Мне кажется, сейчас Союз художников — это наша защита от бытовых невзгод.

— А может быть, объединение вокруг галерей возможно? Есть ли для вас галерея, которая вам симпатична, куда вы постоянно заходите?

— Я хожу в музеи. Общаюсь с галереей Дымчука. А в киевской галерее "Шарм" я делаю выставку. Галерею "Шарм" держит Игорь Шаров. У них хороший чёткий отбор. Они берут только хороших художников с серьёзными работами. Они не всеядные, держат свою марку. Нужен, конечно, Союз художников, но нужно, чтобы он был мощный, крепкий — действительно защитой для художников, а не как у нас сейчас...

— Остались ли связи с поэтами, артистами, музыкантами? Есть ли художественное общение шире, чем только с коллегами?

— Многие по-настоящему творческие люди, с которыми мы дружили, уехали за границу, разбрелись. Или время так начало диктовать...

— Стремитесь ли вы к общению с коллекционерами? В чьих коллекциях, в каких музеях для вас приятно видеть свои работы?

— В музее Новой Каховки, в Севастополе, в нашем Художественном музее, в Киеве — в музее им. Тараса Шевченко. В любом музее приятно видеть свои работы.

— Путешествовали ли вы, были ли где-нибудь за пределами Одессы в 2009 году?

— Я был у себя на родине, в Саврани. Нашел свой родной дом. Представляете? 80 лет прошло. Я уехал оттуда 60 лет назад. Все осталось так, как было давным-давно. Даже комната, которую не окончили при строительстве, так и стоит закрытая: глиняные стены.

А в прошлом году был в Канаде, во Львов — ездил со своими выставками. В 2009-м мои работы были на выставке в Киеве, но я в столицу не ездил. В Музее современного искусства, который открылся в Киеве, тоже представлены мои работы.

— Все люди строят планы — на год как минимум. Какие планы на 2010 год? Что вы должны сделать?

— Я давно обещал для своей любимой Новой Каховки выставку. Мы собираемся поехать на машине, повезти работы. Выставка уже запланирована. В Киев я тоже собираюсь повезти свои работы. Владимир Литвиненко и я собираемся устроить выставку в Морской галерее в Одессе. Если бы здоровья побольше — а то такая зима... Я был в Лермонтовке, заканчивал один хороший этюд... Трудно уже долго писать на морозе.

— Ваших работ в музеях — около 130-ти?

— Больше. 237. В одном музее была моя персональная выставка, и 37 работ так и осталось там висеть.

— Из художников одесской школы вы сегодня наиболее значительная фигура. А кого вы считаете среди первых пяти художников? На чью выставку вы бы побежали, несмотря на боль в ногах? Есть кто-то, кто для вас любим?..

— Маринюк, Волошинов. Куцан — у него сейчас состоялась выставка в Музее современного искусства. Он подготовленный мастер. Влияние есть от поездок во Францию. Его в Союз не хотели принимать — долго. А он медаль получил. У него есть фундамент. Крепко он стоит.

— Любите ли вы, чтобы на стенах висели чьи-то работы? Или вас это утомляет?

— Нет, это интересно. Работы любимых художников — а как же!

— Кто у Вас дома висит?

— Синицкий. Куцан подарил мне работу. Я ему, а он мне. Стилиануди. Но это не он дарил мне, а Синицкий.

Интервью 2010 года.